

УДК 343

DOI: 10.17223/22253513/33/5

В.А. Азаров

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

Определена система факторов, деформирующих стратегию развития уголовно-процессуального законодательства России. Проанализированы идеологические, аксиологические, ментальные и типологические компоненты уголовно-процессуальной политики, влияющие на ее эффективность.

Ключевые слова: стратегия, уголовно-процессуальное законодательство, приоритеты целеполагания.

До начала 90-х гг. прошлого столетия уголовно-процессуальное законодательство России последовательно развивалось в соответствии с устоявшимися канонами, закрепленными в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. Именно на их фундаменте были разработаны все уголовно-процессуальные кодексы бывших союзных республик.

Эти каноны формировались исторически, они впитали в себя особенности континентальной системы права, уголовно-процессуальный сегмент которой выстраивался в том числе и на основе «Кодекса Наполеона»; определенные его идеи впитал в себя в 1864 г. Устав уголовного судопроизводства Российской империи, а вслед за ним последовательно – уголовно-процессуальные кодексы РСФСР и СССР 1922, 1923, 1960 гг. Такая преемственность, в особенности касающаяся инфраструктуры уголовного процесса и его доктринальных основ, позволяла сохранить положительно себя зарекомендовавшие и апробированные следственной, прокурорской и судебной практикой институты и с учетом выявленных в ходе их применения недостатков и пробелов предлагать реальные направления их совершенствования. Если сравнить показатели статистики, характеризующей результаты функционирования системы органов уголовной юстиции страны в советский и постсоветский периоды, то станет совершенно очевидным, что это сравнение будет не в пользу сегодняшних «достижений» в данной сфере. Население страны прекрасно помнит «лихие девяностые» (в которые, кстати, и разворачивалась судебная реформа, не оконченная и поныне), когда преступность «возмужала» до таких кондиций, что и сейчас представляет прямую угрозу национальной безопасности государства, о чем в свое время мы писали достаточно обстоятельно [1–3]. Ситуация, к сожалению, не изменилась в лучшую сторону и сегодня.

Хронически низкая эффективность деятельности системы уголовной юстиции (с начала 1990-х гг. и по настоящее время), на наш взгляд, является закономерным следствием «работы» ряда деструктивных факторов, искусственно привнесенных в уголовную политику страны и ставших, к сожалению, важными составляющими реформирования уголовно-процессуального законодательства. К их числу можно отнести кардинальную смену идеологической парадигмы [4. С. 18–19], официальный отказ от идеи эволюционных, поэтапных изменений системы средств и способов сдерживания преступности [Там же. С. 7], внедрение в сознание правоприменителя лукавых (а порой – провокационных) тезисов о том, что «правосудие должно быть выразителем “интереса права”» [Там же. С. 11], а государство в СССР якобы «являлось врожденной силой по отношению к гражданскому обществу и личности, юстиция же в стране была антигуманна» [Там же. С. 26].

Рассмотрим более подробно некоторые из перечисленных факторов.

В частности, эффективность работы органов уголовной юстиции во многом определяется правильной постановкой приоритетов и задач, в основе которых всегда лежат идеологемы, запрограммированные в соответствующих федеральных законах.

Весьма любопытные сведения об этом можно почерпнуть в «Концепции судебной реформы в Российской Федерации», внесшей в 1991 г. целый ряд кардинальных изменений в законодательство, регулирующее сферу деятельности органов уголовной юстиции.

В данном документе, одобренном парламентом России, имеется самостоятельный раздел, озаглавленный «Идеологизация юстиции», в котором безапелляционно формулируется вывод о необходимости деполитизации и деидеологизации юстиции, в том числе ее уголовной составляющей. При этом в качестве непререкаемого авторами подается сомнительное суждение о том, что юстиция в правовом государстве должна быть самостоятельной силой, **выражающей интересы права** [4. С. 18–19] (выделено нами. – В.А.). Данное утверждение является прямой попыткой подмены тезиса (у игроков в карты этот прием называется «передергивание»), когда «тень наводится на плетень», а желаемое выдается за сущее. Юстиция, а тем более уголовная, не может быть вне политики, она по определению не способна «выражать интересы права», поскольку само право всегда является средством выражения и защиты чьих-то интересов. Уголовно-процессуальное право, с нашей точки зрения, призвано защищать в сфере (и – посредством!) деятельности органов уголовной юстиции интересы личности, общества и государства. Именно такой аксиологический ряд выстроен в Конституции Российской Федерации, провозгласившей в ст. 2 права и свободы человека высшей ценностью.

Отдельной оценки заслуживает упомянутый лозунг о необходимости «деполитизации» уголовной юстиции. На самом деле его авторы, как представляется, рассчитывали под его прикрытием провести, по сути, именно политическое решение – о замене исторически сложившегося в России континентального уголовного процесса на, как им казалось, «более цивили-

лизованный» – состязательный, присущий, по некоторым оценкам, «более прогрессивным странам с правовым и демократическим режимом». При этом не учитывалось, что некоторые из этих стран (например, Соединенные Штаты Америки, которым чуть более двухсот лет «отроду») являются, как иногда можно услышать из полемики политологов, «историческим недоразумением». Уместно здесь привести суждения Л.В. Головки, который очень тонко подметил: «Перефразируя поэта, можно, к сожалению, констатировать, что “уголовно-процессуальный кодекс в России – больше, чем уголовно-процессуальный кодекс”. Наверное, судьба уголовно-процессуальных кодификаций будет у нас благополучнее, нежели оказалась в долгосрочной перспективе судьба Устава уголовного судопроизводства (как известно, и принятого в целях, в основном политических, и уничтоженного окончательно событием чисто политическим. – *В.А.*), только тогда, когда они начнут рассматриваться “всего лишь” как **технически и этически** оптимальный вариант всестороннего расследования и справедливого разрешения уголовных дел. На самом деле это более чем достойная миссия» [5. С. 339].

Сомневающимся в наличии и необходимости совершенствования российской уголовно-процессуальной политики рекомендуем изучить материалы работы Совета Федерации Федерального Собрания России, где регулярно проходят парламентские слушания под названием «Об уголовной политике» и «Об уголовно-процессуальной политике» в России, или же прочитать блестящий очерк об историографии данного вопроса и его современном состоянии, принадлежащий перу Л.В. Головки [6. С. 55–59].

В советский период новейшей российской истории государственной являлась идеология правящей партии, что автоматически формировало систему приоритетов, а затем – и целеполагания для органов уголовной юстиции. Революционная смена государственного и общественного строя России породила не до конца продуманное, во многом происходившее под внешним воздействием изменение шкалы социальных ценностей, и на этом фоне модным стал, на наш взгляд, крайне сомнительный тезис о необходимости деидеологизации системы уголовной юстиции и соответствующего федерального законодательства.

Почему мы причисляем данный тезис к сомнительным? В первую очередь потому, что идеология представляет собой систему взглядов, идей, продуцирующих приоритеты любого рода человеческой деятельности. Применительно к уголовному судопроизводству речь идет об основополагающих, стержневых идеях, создающих концептуальные основы деятельности прежде всего властных участников уголовного процесса. Разработчики Концепции судебной реформы (а затем – УПК РФ), «развенчав» прежнюю идеологию и констатируя, по их мнению, допущенное в СССР искажение природы и целей юстиции, объявили программу деидеологизации уголовно-процессуального законодательства [4. С. 18–19]. Однако данные оценки и суждения представляются нам не более чем «словесным камуфляжем», поскольку ныне действующий УПК РФ, по нашему мнению,

значительно более идеологизирован, нежели его предшественник. Какие же идеи, представления и взгляды лежат в его основе?

Анализ и осмысление методологии, на которой базируется УПК РФ, однозначно приводят к выводу: его фундаментом служит идеология либерального толка, чуждая российскому обществу и менталитету. Эта идеология, отторгаемая абсолютным большинством населения страны, защищая интересы крайне узкой группы людей, многократно продемонстрировала свою ущербность и даже вредность в экономике, в политике и социальной жизни, но именно ей отдано предпочтение при формировании концепции УПК РФ.

Таким образом, вместо объявленной деидеологизации сферы уголовной юстиции и соответствующего законодательства с принятием УПК РФ здесь произошла «тихая», но откровенная и циничная, замена идеологии. Печально известный лозунг «меньше государства в экономике и политике» был навязан сфере деятельности органов уголовной юстиции. Искусственная либерализация уголовно-процессуального законодательства резко ослабила позиции государства в области противодействия преступности. Задача борьбы с преступностью была объявлена вульгарной идеей, взамен УПК РФ предложил совершенно «размытые», аморфные задачи, дезориентирующие органы, ведущие уголовный процесс.

Мы далеки от мысли о том, что с преступностью должен бороться суд, но вряд ли правильно отстранять от этой деятельности органы, осуществляющие уголовное преследование, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления. К примеру, одной из традиционных задач органов предварительного расследования по борьбе с преступностью является быстрое и полное раскрытие преступлений, что, однако, сегодня, согласно УПК РФ, не вменяется им в обязанность [7. С. 4–5], хотя **производной** от упомянутой является задача защиты потерпевших от преступлений, прописанная в ст.6 УПК РФ.

Мощным деструктивным фактором, негативно влияющим на эффективность деятельности органов уголовной юстиции, является предложенный Концепцией судебной реформы **способ осуществления** предполагаемых преобразований. Как неприемлемый, авторами был отвергнут эволюционный путь и взамен предложен «революционный способ реформирования уголовного судопроизводства и регламентирующего его законодательства» [4. С. 7].

Кардинальный пересмотр предназначения уголовного процесса на фоне ревизии его идеологических основ открыл широкие возможности для внедрения в УПК РФ чуждых ему идей, норм и целых институтов. В этом контексте привлекает внимание состязательность, не только возведенная в ранг принципа всего уголовного процесса, но и, с нашей точки зрения, гипертрофированно представленная в целом ряде других норм и институтов УПК РФ. Искусственное «возвеличивание» состязательности, придание ей ранга «суперпринципа», или положения, **определяющего** всю систему и содержание системы принципов [8. С. 75], используется отдельными спе-

циалистами для обоснования вывода о произошедшей трансформации типологической характеристики российского уголовного процесса, о его «развороте» в сторону англо-саксонских аналогов. Эти оценки, по нашему мнению, не только преждевременны, но и неправильны по существу.

Катализатором начала дискуссии о статусе состязательности в российском уголовном процессе явилось принятие Конституции РФ 1993 года, в ст. 123 которой закреплено положение об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон. На наш взгляд, ключевое значение имеет **правильное понимание** конституционного предписания, выраженного в словосочетании «на основе состязательности». Все дело в том, что инфраструктура и процедурные особенности разных этапов уголовного производства России обусловлены его исторической формой, выражающейся в типологической характеристике, органично встроенной в континентальную систему права.

Оценивая типологию современного отечественного уголовного процесса, надлежит учитывать и то, что в разных правовых системах содержание, объемы и этапы реализации, а также интенсивность и уровень проявления состязательности неодинаковы [9. С. 65–66]. На это обстоятельство при анализе современной типологической характеристики нашего уголовного процесса обращают внимание многие исследователи. Не может при этом не учитываться и система стержневых категорий отечественного уголовного судопроизводства, фундаментом которой является отнюдь не состязательность, как, скажем, «за океаном», а **публичность**. Согласимся в данном контексте с А.А. Брестером, весьма своеобразно, вслед за своим учителем Ан.А. Барабашем [10], интерпретировавшим классическую триаду, определяющую тип уголовного судопроизводства конкретной страны: «Цель–метод–форма». Именно эти категории, при доминировании публичного начала, позволяют безошибочно идентифицировать современный уголовный процесс России в типологической шкале.

Главным критерием различия публичной и состязательной форм уголовного процесса, как обоснованно считает А.А. Брестер, являются статусы познавательной деятельности и уполномоченных на ее осуществление субъектов. В частности, в классическом процессе, основанном на состязательном начале, не может быть активно познающего субъекта в виде специального уполномоченного органа. Там, скорее, речь идет об активности в поиске необходимой для обвинения информации и об активности в предоставлении этой информации. Отсутствие же познавательной активности вызвано тем, что, во-первых, нет цели получить знание, а есть цель разрешить спор, и во-вторых, появление иного, нежели стороны, активного субъекта, по сути, исключает равное противоборство между ними. И если субъект, который должен принимать решение о победителе спора, сам мог бы познавать, разрешения спора уже быть не может. У него возникает позиция по поводу значимых обстоятельств – исходя из результатов собственной познавательной активности, а не из доводов, полученных только в ходе противоборства сторон. У суда в классическом состязательном про-

цессе активность может проявляться только в одном – в создании условий для спора [11. С. 53–54].

Весьма правильные и содержательные оценки. Они однозначно и категорически не позволяют причислить наш уголовный процесс к разряду состязательных.

Вместе с тем, солидаризируясь с главными выводами автора, отметим – есть в аргументации А.А. Брестера и уязвимые выводы и суждения, в известной мере ослабляющие его позиции.

Так, во-первых, соглашаясь с А.А. Брестером в том, что **началом** российского уголовного процесса **действительно является публичность, возразим против наделения цели судопроизводства рангом всего лишь рядового «требования к организации» публичного начала** [11. С. 9]. В действительности, с нашей точки зрения, здесь четко просматривается обратная зависимость: именно целеполагание довлеет над процедурой формирования системы средств и методов достижения целей. И если целью отечественного процесса (как познавательной деятельности) является установление объективной истины, то ее достижению в состоянии способствовать лишь метод объективного, всестороннего и полного исследования значимых обстоятельств в их совокупности.

Во-вторых, вызывает сомнение выстроенная автором «иерархия доменов» [12]. По сути, правильная постановка, в соответствии с которой «исходя из такой познавательной цели публичного уголовного процесса, как достоверное установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, методом его может быть только объективное, всестороннее и полное исследование, что является сущностью диалектического метода познания» [11. С. 10], тем не менее порождает противоречие с идеей автора о **подчиненном характере цели** – началу уголовного процесса [Там же. С. 9]. Скорее, это все же равнозначные категории, первая из которых в гораздо большей степени в состоянии влиять на формирование второй. Вышеприведенные сомнения укрепляются обращением к выводу автора, в котором синтезирован, по нашему мнению, логически безупречный ряд «цели–задачи–метод–принципы» уголовного процесса [Там же. С.10]. Этот инструмент, предложенный А.А. Брестером, высокоэффективен при определении типологической принадлежности российского (как, впрочем, и инородного) уголовного процесса.

В-третьих, к неоспорным оценкам автора относится и суждение о том, что «состязательность как начало уголовного процесса и всесторонность, полнота и объективность исследования несовместимы» [Там же. С. 155, 160 и др.]. Последнее требование, с нашей точки зрения, правильно возведенное А.А. Брестером в ранг метода российского уголовного процесса, отнюдь не исключает на этапе окончательного (судебного) уголовного производства использование (и порой – достаточно эффективное) всего спектра возможностей состязательности. Здесь важно при рассмотрении конкретного уголовного дела, не абсолютизируя состязательность, в условиях равенства прав сторон предоставить суду полноценные нормативные возможности

для **свободной проверки и оценки доказательств**, на основе всестороннего, полного и объективного исследования которых суд в состоянии выйти на принятие правосудного решения.

Наконец, в-четвертых, и это самое главное, мы не разделяем сомнений автора в оценке российского уголовного процесса как смешанного [11. С. 59]. Эти сомнения, как представляется, вытекают из вывода А.А. Брестера о несовместимости двух начал – публичности и состязательности, и невозможности их сосуществования в «рамках одного социума» [Там же. С. 8].

В этой связи заметим, что состязательность – не застывший и на все времена абсолютно определенный феномен. Она проявляет себя содержательно совершенно по-разному, и зависит это от «контекста», точнее – от правовой системы, в которой состязательность реализуется. В **смешанном уголовном процессе**, к которому, с нашей точки зрения, относится российский, в рамках досудебного производства ей, как известно, отведено весьма скромное место. В то же время в судебном производстве состязательность «расцветает махровым цветом», подкрепляясь равноправием сторон, но все же при гораздо большей активности суда, исторически использующего все средства для формирования таких свойств приговора, как истинность, справедливость и правосудность. В таком понимании состязательности прослеживается ее абсолютная гармония с требованием всестороннего, полного и объективного установления и исследования всех обстоятельств дела.

Нами рассмотрены далеко не все из вышеперечисленных деструктивных факторов стратегии развития уголовного судопроизводства России. Их безусловно негативное влияние ощущается в первую очередь в практической деятельности органов, ведущих уголовный процесс.

Именно с прокурором, дознавателем, следователем и судьей (судом) сталкиваются граждане, вовлекаемые в производство по уголовному делу в самом разнообразном качестве. Социологические опросы показывают стабильно невысокие рейтинги перечисленных представителей государства. Таким положением мы во многом обязаны «работе» поименованных деструктивных компонентов, все еще «по достоинству не оцененных» лицами, причастными к формированию стратегии развития уголовного судопроизводства России.

Еще один значимый аспект обсуждаемой проблемы состоит в чрезвычайной важности учета при разработке и реализации стратегии развития уголовно-процессуального законодательства этнотипа нации, иначе говоря – ее менталитета. Именно сквозь призму российского менталитета проходят формирование оценки и отношение граждан ко всей системе уголовной юстиции.

Отдельно здесь стоит такая часть общественного сознания, как обостренное чувство справедливости, исторически присущее российскому психотипу. Причем удивительно то, что эта, казалось бы, ясная и однозначная категория, отечественными и западными юристами понимается по-разному. К примеру, как указывает А.В. Кудрявцева, Европейский суд

по правам человека справедливость интерпретирует как осуществление судебного процесса в рамках равных прав и возможностей сторон по представлению доказательств и отстаиванию собственной позиции, возможность оспорить доказательства другой стороны. Частным случаем справедливости судебного разбирательства считается возможность оспаривания стороной защиты доказательств, представленных стороной обвинения. Иными словами, справедливость судебного разбирательства в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод представляет собой не что иное, как содержание принципа состязательности сторон [13. С. 61].

В России же, применительно к уголовному судопроизводству, справедливость всегда трактовалась как «воздаяние» за преступление, а у Ф.М. Достоевского – даже как «кара Божья», но – добавим – конечно же, при соразмерности назначенного наказания содеянному виновным.

В этой связи мы разделяем оценки Ал.А. Барабаша, в соответствии с которыми правовая система государства, чтобы быть эффективной, должна жестко ориентироваться на лежащий в основе всех областей социальной жизни этнотип. При этом следует иметь в виду, что особый, евразийский тип менталитета населения России качественно отличается от своего западного аналога в силу воздействия на его формирование таких факторов, как географический, религиозный, отношения государства и личности, роль права в обществе [14. С. 52–53].

Соглашаясь в основном с оценками и выводами Ал.А. Барабаша, изложенными в его весьма содержательной и оригинальной диссертации, возразим автору в одном, с нашей точки зрения, принципиальном вопросе.

В частности, Ал.А. Барабаш призывает законодателя «учитывать особенности менталитета своего народонаселения и предлагать ему законы, отвечающие психотипу нации и *умонастроению ее представителей*» (выделено нами. – В.А.) [Там же. С. 6].

Полагаем правильным снять выделенное уточнение. Оно вызывает сначала вопрос, а потом и неприятие.

«Умонастроениям» каких представителей нации, с точки зрения Ал.С. Барабаша, должны соответствовать предлагаемые всему народонаселению законы?

Действующий УПК РФ во многом соответствует «умонастроениям» так называемой «российской элиты», чьи интересы, все еще основанные на однозначно отторгнутых нацией «либеральных ценностях», резко противоречат жизненным интересам подавляющей части народонаселения. И что же, в русле этих «умонастроений» законодатель должен предлагать нации законы, в том числе уголовно-процессуальные? К сожалению, часто именно так он и поступает. К примеру, без учета мнения абсолютного большинства народа пролонгируется (с помощью политического решения Конституционного Суда РФ) мораторий на смертную казнь, упорно не восстанавливается (в нормальном виде) конфискация имущества, продолжается совершенно неоправданная либерализация уголовного и уголовно-процессуального законодательства, регулирующего ответственность кор-

рупционеров, мздоимцев и «любителей» чужого (в том числе, если не в первую очередь, государственного) имущества.

В данном случае «умонастроения отдельных представителей нации» (составляющих весьма ограниченную группу) удовлетворены, однако абсолютное большинство народа именно в этой связи все дальше отторгается от власти – как законодательной, исполнительной, так и судебной [15. С. 66–67].

В России во все времена уголовно-процессуальная теория и практика отличались самобытностью, оригинальностью, впитывали в себя национальные, религиозные и культурные традиции общественного и государственного уклада страны. В этой связи, по нашему мнению, следует не только не предавать забвению, но, напротив, внимательно изучать, использовать во благо отечественной юстиции национальные законодательные и доктринальные наработки.

Литература

1. Азаров В.А. Исключительное судопроизводство по делам об организованной преступности // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвед. сб. науч. тр. Красноярск, 1999. С. 65–73.
2. Азаров В.А. Борьба с организованной преступностью: российский опыт законодательства и прогнозы XXI столетия // Полиция в XXI веке: прогнозы, модели, деятельность : материалы науч. конф. / Омский ЮИ МВД России, Скармен-Центр Лестерского ун-та (Великобритания). Омск, 2000. С. 28–32.
3. Азаров В.А. Уголовно-процессуальные средства противодействия организованной преступности // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2004 : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 75-летию профессора Ю.Д. Лившица. Челябинск, 2004. Ч. 1. С. 103–106.
4. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. М., 1992. 111 с.
5. Великая реформа : к 150-летию судебных уставов : в 2 т. / под ред. Л.В. Головки. М. : Юстицинформ, 2014. Т. II: Устав уголовного судопроизводства. 340 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1278 с.
7. Азаров В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 3 (53). С. 4–8.
8. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник для вузов. 2-е изд. / под общ. ред. А.В. Смирнова. СПб. : Питер, 2005. 699 с.
9. Азаров В.А., Чердынцева И. Базовые компоненты типологической характеристики уголовного процесса России // Уголовное право. 2006. № 6. С. 64–68.
10. Барабаш Ан.А. Публичное начало российского уголовного процесса. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. 420 с.
11. Брестер А.А. Начало, форма и метод российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2013. 219 с.
12. Васильева Е.Г. Уголовный процесс: догматико-аксиологическое исследование. М. : Юрлитинформ, 2013. 584 с.
13. Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция, 2018, № 11. С. 61–64.
14. Барабаш Ал.А. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 213 с.
15. Азаров В.А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Ал.А. Барабаша «Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 2 (53). С. 63–67.

Azarov Vladimir A., Omsk State University (Omsk, Russian Federation)

DESTRUCTIVE FACTORS OF THE STRATEGY FOR THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION IN RUSSIA

Keywords: strategy, criminal procedure legislation, priorities of goal-setting.

DOI: 10.17223/22253513/33/5

In typological characterization of domestic criminal procedure, the system of factors, which have a destructive effect on the development of criminal procedure law has been synthesized. They include, in particular, the deideologization and depoliticization of criminal justice, a radical change in the ideological paradigm, the official rejection of the ideas of evolutionary step-by-step changes in the system of means and ways of deterring crime, etc.

The justification is given about the need to take into account when reforming the criminal procedure law, the Eurasian ethnic type of the Russian nation, the historical typology of our criminal proceedings, its affiliation to the continental system of law and well-built systems of priorities and goal-setting.

The artificially formed hypertrophy of adversarial principles is criticized as the "main foundation" of the reform of criminal procedure legislation and the same procedure. The historical dominance in the Russian criminal procedure of the beginning of publicity as the basis for criminal prosecution of the perpetrators of illegal acts and the fulfilment of correctly set tasks criminal procedure is shown.

It is with the prosecutor, interrogator, investigator and judge (court) the citizens involved in criminal proceedings come in contact with. Sociological surveys show consistently low ratings of the listed representatives of the state. In many ways, in this situation, we owe to the "work" of the named destructive components, still «not duly appreciated" by persons involved in the strategy's formation for the development of Criminal Justice of Russia.

We share the opinion that to be effective, the state legal system must be rigidly oriented to the ethnic type underlying all areas of social life. We should bear it in mind that the special, Eurasian type of mentality of the Russian population is qualitatively different from its Western counterpart, because of the impact on its formation of such factors as (a) geography; b) religion; (c) the relationship between the state and the individual; d) the role of law in society.

In Russia at all times criminal-procedural theory and practice were characterized by originality, distinctness, they absorbed the national, religious and cultural traditions of the social organization and state structure of the country. In this regard, in our opinion, it is necessary not only not to forget, but, on the contrary, to study carefully and to use our national legislative and doctrinal developments for the benefit of the Russian justice.

References

1. Azarov, V.A. (1999) Isklyuchitel'noe sudoproizvodstvo po delam ob organizovannoy prestupnosti [Exceptional proceedings in cases of organized crime]. In: *Aktual'nye problemy teorii bor'by s prestupnost'yu i pravoprimeritel'noy praktiki* [Topical problems of the theory of the fight against crime and law enforcement practice]. Krasnoyarsk: [s.n.]. pp. 65–73.
2. Azarov, V.A. (2000) [The fight against organized crime: the Russian experience of law-making and forecasts of the 21st century]. *Politsiya v XXI veke: prognozy, modeli, deyatel'nost'* [Police in the 21st Century: Forecasts, Models, Activities]. Proc. of the Conference. Omsk. pp. 28–32. (In Russian).
3. Azarov, V.A. (2004) [Procedural means of combating organised crime]. *Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG – 2004* [Topical problems of the law of Russia and the CIS countries – 2004]. Proc. of the Sixth International Conference. Chelyabinsk. pp. 103–106. (In Russian).

4. Russian Federation. (1992) *Kontseptsiya sudebnoy reformy v Rossiyskoy Federatsii* [The concept of judicial reform in the Russian Federation]. Moscow: [s.n.].

5. Golovko, L.V. (ed.) (2014) *Velikaya reforma: k 150-letiyu sudebnykh ustavov: v 2 t.* [The Great Reform: On the 150th Anniversary of Judicial Charters: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Yustitsinform.

6. Golovko, L.V. (ed.) (2016) *Kurs ugolovnoy protsessy* [Criminal Process]. Moscow: Statut.

7. Azarov, V.A. (2006) Ugolovno-protsessual'naya ideologiya i odnoimennaya frazeologiya [Criminal procedural ideology and phraseology]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Orenburg State University*. 3(53). pp. 4–8.

8. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2005) *Ugolovnyy protsess* [Criminal process]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.

9. Azarov, V.A. & Cherdyn'tseva, I. (2006) Bazovye komponenty tipologicheskoy kharakteristiki ugolovnoy protsessy Rossii [Basic components of the typological characteristics of the Russian criminal process]. *Ugolovnoye pravo*. 6. pp. 64–68.

10. Barabash, A.A. (2009) *Publichnoye nachalo rossiyskogo ugolovnoy protsessy* [The public beginning of the Russian criminal process]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.

11. Brester, A.A. (2013) *Nachalo, forma i metod rossiyskogo ugolovnoy protsessy* [The beginning, form and method of the Russian criminal process]. Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.

12. Vasilieva, E.G. (2013) *Ugolovnyy protsess: dogmatiko-aksiologicheskoye issledovanie* [Criminal process: dogmatic axiological research]. Moscow : Yurlitinform.

13. Kudryavtseva, A.V. (2018) Justification of a court decision as a component of a fair trial. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 61–64. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/12

14. Barabash, A.A. (2012) *Sushchnost' otechestvennogo ugolovnoy protsessy v svete rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta* [The Russian criminal process in the light of the national mentality]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

15. Azarov, V.A. (2014) Otzyv ofitsial'nogo opponenta na dissertatsiyu A.A. Barabasha "Sushchnost' otechestvennogo ugolovnoy protsessy v svete rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta" [Report of the official opponent on the dissertation of A.A. Barabash "The Russian criminal process in the light of the national mentality"]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 2(53). pp. 63–67.